

Информация для цитирования:

Комиссарова Е. Г., Пермяков А. В. Эволюция кредиторских прав в отношениях с наследниками, принявшими наследство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 185–192. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

Комиссарова Е. Г., Пермяков А. В. *Evolyutsiya kreditorskikh prav v otnosheniyakh s naslednikami, pri nyavshimi nasledstvo* [Evolution of Creditors' Rights in Relations with Successors Who Have Accepted Succession]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 32. Pp. 185–192. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192.

УДК 347.6347.6

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-185-192

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕДИТОРСКИХ ПРАВ В ОТНОШЕНИЯХ С НАСЛЕДНИКАМИ, ПРИНЯВШИМИ НАСЛЕДСТВО

Е. Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-4257-5673

ResearcherID: E-9302-2016

e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

А. В. Пермяков

Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права и процесса

Тюменский государственный университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

ORCID: 0000-0003-4541-6846

ResearcherID: E-4642-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.1163/15730352-00000024

e-mail: permyakov.antony@gmail.com

Введение: сохраняющееся в законодательстве разбалансированное отношение к разным кредиторам наследодателя, имеющим претензии к наследственной массе, пробельность норм, регулирующих отношения с участием нескольких кредиторов, попадающих в состояние конкуренции при недостаточности наследственной массы, и отсутствие сформированного доктринального обоснования по этим вопросам обусловили авторское внимание к теме статьи. **Цель:** проведение научно-теоретического сопоставительного анализа прав разных кредиторов на удовлетворение их притязаний за счет наследственной массы. **Методы:** общенаучные методы анализа, обобщения, сравнения, описания, интерпретации; частноправовые методы: формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** правовой анализ положений об ответственности по долгам наследодателя позволил выявить как терминологические нестыковки в регулировании «долговых отношений», так и отсутствие реальной законодательной концепции в этих вопросах. До недавнего времени законодатель ориентировался преимущественно на обобщенную концепцию защиты прав наследников, вопрос же о правах кредиторов, имеющих претензии к наследственной массе, решался больше по умолчанию. Часть вопросов была снята благодаря законодательным новшествам, введенным в ГК РФ принятием раздела пятого и недавних изменений законодательства о банкротстве. Однако вопрос о разбалансированности прав отдельных кредиторов не утратил своей остроты. Отсут-

ствие последовательности и достаточности правового регулирования отношений, связанных с вопросами ответственности по долгам наследодателя в общем порядке, затрудняет реализацию кредиторами наследодателя своих прав и законных интересов и их защиты. **Вывод:** для целей формирования законодательной концепции о правах кредиторов наследодателя необходим предметно-теоретический анализ последних законодательных новшеств, связанных с банкротством наследственной массы, главным образом с точки зрения соотношения этой конструкции с предметом и содержанием правового регулирования отношений в части как института банкротства в целом, так и отношений, возникающих по поводу долгов наследодателя.

Ключевые слова: наследственное правопреемство; претензии кредиторов; наследственная масса; долги наследодателя; ответственность наследников; банкротство умершего гражданина; персонификация наследственной массы

EVOLUTION OF CREDITORS' RIGHTS IN RELATIONS WITH SUCCESSORS WHO HAVE ACCEPTED SUCCESSION

E. G. Komissarova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-4257-5673
ResearcherID: E-9302-2016
e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

A. V. Permyakov

Tyumen State University
38, Lenina st., Tyumen, 625000, Russia
ORCID: 0000-0003-4541-6846
ResearcherID: E-4642-2016
Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.1163/15730352-00000024in
e-mail: permyakov.antony@gmail.com

Introduction: the article considers the unbalanced attitude towards different creditors of a testator that is present in legislation, the absence of rules governing relations with participation of several creditors, who get into the state of competition in case inheritance is insufficient, and the lack of doctrinal foundation for these questions. **Purpose:** to carry out a scientific theoretical comparative analysis of different creditors' rights aimed at the satisfaction of their claims at the expense of inheritance. **Methods:** the author uses general scientific methods of analysis, generalization, comparison, description, interpretation, as well as methods specific to legal science: formal legal method and legal comparison. **Results:** the legal analysis of regulations on liability for a testator's debts has allowed us to reveal terminological disagreements in regulation of the "debt relations" and lack of a visible legislative concept concerning these questions. Until recently, the legislator has been mainly guided by the generalized concept of successors' rights protection, while the question of creditors' rights having claims to inheritance has been mainly solved by default. A part of questions were withdrawn due to the legislative innovations introduced into the Civil Code of the Russian Federation with the adoption of the 5th section and recent changes in the bankruptcy legislation. However, the question of certain creditors' rights being unbalanced has not lost its edge. The absence of consistency and sufficiency in legal regulation of relations connected with questions of liability for a testator's debts results in difficulty in realization of rights and legitimate interests of a testator's creditors and their protection. **Conclusions:** in order to formulate the legislative concept concerning rights of a testator's creditors, it is necessary to perform a theoretical analysis of the last legislative innovations connected with inheritance

bankruptcy. The innovations should be first of all analyzed in terms of the ratio between this concept and the subject and content of legal regulation of both relations within the institute of bankruptcy and relations connected with a testator's debts.

Keywords: hereditary succession; claims of creditors; inheritance, testator's debts; responsibility of successors; bankruptcy of the deceased; personification of the inheritance

Введение

С учетом собственного опыта и опыта европейских стран, проводивших долгую работу по унификации национальных правовых порядков в сфере наследственного права¹, современный российский законодатель признал, что наследство – это «хорошо и справедливо». Ответом на это признание стали гл. 61–65 раздела пятого Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), включившие в свое содержание многочисленные новации, но и не избежавшие законодательских промахов. К числу последних можно отнести терминологические нестыковки, относящиеся к конструкции «ответственность по долгам наследодателя», в то время как на деле нередко речь идет не только об ответственности в ее юридическом значении, но и не исполненных наследодателем при жизни действий в рамках обычных обязательственных отношений, не связанных с гражданским правонарушением. Можно бы и не считать данную погрешность значимой, если бы она не служила одним из способов отвлечения доктринального внимания от тех проблем, которые на самом деле сегодня находятся в ряду актуальных применительно к долгам наследодателя, сохраняющим свою юридическую жизнь и после его смерти.

Законодательная архаичность в затронутом терминологическом моменте вынуждает доктрину прибегать к бессмысленному феноменологическому анализу такого гражданско-правового понятия, как «долг», чье юридическое наполнение применительно к сфере имущественных отношений можно считать предопределенным и без специальных дефиниций. Как представляется, более эффективными могут

стать исследования, связанные с вопросами о посмертных обязанностях наследодателя, их персонификации, порядку реализации наследниками своих прав в случае предъявления к ним претензий кредиторов. Нельзя забывать, что и законодатель и доктрина долгое время были сосредоточены в первую очередь на защите прав наследников, в то время как состояние доктринальной составляющей по такому ответвлению, как наследники – кредиторы наследодателя, не выглядит удовлетворительным. Причину такого положения можно усмотреть и в привычно негласном «нотариальном оттенке» самой проблемы обременения наследственной массы обязанностями наследодателя, в то время как наука нотариального права оказалась не столь активна в исследовании этой проблематики как до, так и после принятия пятого раздела ГК РФ. И это тоже одна из причин того сложившегося положения, при котором предпринимаемые сегодня законодателем шаги в регулировании отношений по поводу долгов, входящих в наследственную массу, в меньшей мере основаны на добротном и достаточном теоретическом материале, которому еще только предстоит появиться. Потребность в нем ощущается довольно остро хотя бы потому, что еще не «опознаны» те концептуальные идеи, которым должны соответствовать нормы, направленные на урегулирование отношений наследников, принявших наследство и кредиторов наследодателя. В частности, какой принцип должен быть положен в основу регулирования этих отношений: кредиторской справедливости, основанный на равенстве и соразмерности прав всех заявившихся кредиторов, или принцип очередности при удовлетворении их прав (по аналогии с очередностью кредиторов при ликвидации юридического лица). Необходим также и предметно-теоретический анализ последних законодательных новшеств, связанных с банкротством наследственной массы. Достижение оптимальности этой юридической конструкции, как по содержанию, так и по объему, – это вопрос времени. Однако уже сегодня надлежит провести ее анализ по поводу соотношения с предметом и содержанием правового регулирования отношений как в сфере института банкротства в целом, так и отношений, возникающих по поводу долгов наследодателя.

¹ Эта работа в итоге завершилась принятием Регламента о юрисдикции и применимом праве по вопросам наследования. См.: Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции и применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании». Принят в Страсбурге 4 июля 2012 г. Применяется с 17 августа 2015 г. Текст официально опубликован не был. На английском языке опубликован: Официальный журнал Европейского Союза. 2012. № L 201 P. 107.

Основное содержание

Универсальность и посмертность наследственного преемства приводит в движение прижизненные активы (права) наследодателя и его пассивы (обязанности). Как образно заметил Г. Ф. Шершеневич, на наследника «падают не только права, но и обязанности по всем долгам умершего» [9]. Вся эта совокупность при включении в наследственную массу имеет одну общую юридическую судьбу в виде одновременного преемства всех прав и всех обязанностей.

Такой (экономический) подход в значительной степени упрощает процедуру наследования и вполне работает на эффективность гражданского оборота, нуждающегося в стабильности и непрерывности не только вещных, но и обязательственных отношений, что достигается заменой выбывшего должника на его правопреемника – наследника.

Как известно, долги в виде законно возникшей обязанности, можно исполнять в рамках существующего договорного обязательства или отвечать по ним согласно правилам о гражданско-правовой ответственности. В пункте 1 статьи 1175 ГК РФ законодатель употребил сочетание: наследник «отвечает по долгам наследодателя». На самом деле смысловое наполнение нормы намного шире, поскольку речь идет не только об ответственности в том правовом смысле, который вкладывается в термин «юридическая ответственность», но и об «обычных» имущественных обязанностях, не связанных с возникновением спорности в отношениях с прижизненным участием наследодателя. В этом смысле термин «ответственность» применительно к наследственному правопреемству по воле законодателя оказался более широким в отличие от своего истинно правового значения – отвечать, т. е. нести бремя дополнительных имущественных обязанностей в связи с совершенным правонарушением для восстановления имущественной сферы кредитора-потерпевшего. Можно предположить, что в этой части законодатель действовал по инерции, используя обобщающую терминологию прежних кодексов, чьи нормативные конструкции в большей мере опирались на постулат о том, что «у советского человека и долгов-то нет». Но современный рыночный оборот с его классическим инструментарием, в числе которого многообразные долговые обязательства (займ, кредит, факторинг, поручительство и т. д.), уже давно свидетельствует об обратном – долги в виде неисполненных обязательств, не всегда «дорастающие» до категории «ответственность», у российского человека есть, и много, что многократно увеличивает частоту случа-

ев предъявления кредиторских претензий к наследственной массе.

Как представляется, требуемое терминологическое соответствие в вопросах наследственного правопреемства в нормах ГК РФ можно было бы обеспечить путем использования наряду с термином «ответственность» (там, где это действительно юридически оправдано) такого понятия, как «обязательства по долгам наследодателя». В этой части вынужденным корректором нормативной терминологии стала выступать судебная практика, которая в силу разнообразия обязанностей, оставшихся после смерти наследодателя, вполне обоснованно разграничивает отношения «из ответственности» и «обязательства по долгам наследодателя»¹.

В нормах ГК РФ «долговым отношениям», оставшимся после наследодателя, отведено две статьи: ст. 1174 о возмещении расходов, вызванных смертью наследодателя, и расходов на охрану наследства и управление им; ст. 1175 об ответственности наследников по долгам наследодателя. Обе нормы являются результатом рецепции аналогичных положений из Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.² (ст. 549 и 553 соответственно), подтверждая в целом справедливое утверждение о том, что «наследственное право – это наиболее консервативная часть гражданского права с преобладанием специфических национальных правил» [5, с. 400].

Общее правило универсального правопреемства, при котором имущество умершего гражданина как единое целое в неизменном виде и в один момент переходит к его наследникам, гласит о том, что наследник, принявший наследство, «... отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества» (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Из данного установления можно вывести презумпцию, которая гласит: если наследственное имущество отсутствует полностью, то ответственность наследников исключена. Если имущество есть и наследники его приняли, то в объеме стоимости полученного имущества наследники отвечают по претензиям кредиторов, предъявленным в пределах сроков исковой давности. Правило достаточно простое и понятное, если общественные отношения, подпадающие под сферу его регулирования, не отягощаются такими обстоятельствами, как недос-

¹ О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9. П. 60 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2012. № 7.

² Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).

таточность наследственной массы для удовлетворения требований кредиторов, и когда кредиторов оказывается «несть числа». Остро встает вопрос об объеме воли наследника или наследников при недостатке наследственной массы и/или множественности на стороне кредиторов, заявивших свои претензии к наследственной массе. Пока никаких зримо принципиальных законодательных идей на этот счет не сложилось. А потому практика сталкивается со случаями разбалансированного законодательного отношения к тем случаям, когда у наследодателя не один, а несколько кредиторов и они оказываются в положении конкуренции между собой в силу недостаточности наследственной массы.

До недавнего времени в этом вопросе господствовало усмотрение наследника: либо не принимать наследство вообще либо заявить об ограничении ответственности по долгам наследодателя. Понятно, что такой регулятор в этом непростом вопросе в виде усмотрения наследника носит исключительно субъективный характер и не вполне соответствует идее наследования. Ведь наследник (в силу завещания или закона) лишь юридически заменяет наследодателя в его правах и обязанностях, а потому ограничение участия законодателя установлением баланса того, что обязанности, оставшиеся после наследодателя, действительны только в той части, какой на них приходится оставшиеся права, явно недостаточно.

На случай спора закон и акты судебной практики установили, что при отсутствии (недостаточности) наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет имущества наследников и обязательства по долгам наследодателя прекращаются невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества¹.

Такой универсальный исход наступал до принятия Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве). Согласно вступив-

шим в силу с 1 октября 2015 г. нормам Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (параграф 4 гл. 4)³, оставшаяся после смерти гражданина наследственная масса может быть объявлена банкротом.

Состоявшееся новшество дает возможность распределить оставшееся после наследодателя имущество между кредиторами с соблюдением их прав и законных интересов в строго установленной законом последовательности, которая определена законодателем исходя из социального и иного положения кредиторов, а также их связи с должником (ст. 213.27 Закона о банкротстве). Указанные критерии: соблюдение прав и законных интересов; последовательность; социальное и иное положение кредиторов; связь с должником – направлены на соблюдение баланса интересов различных кредиторов и наследников наследодателя. Условием их учета является факт обнаружения признаков несостоятельности наследственной массы, оставшейся после наследодателя (ст. 213.3 Закона о банкротстве). В любых иных ситуациях положения Закона о банкротстве не подлежат применению. Это касается таких случаев, когда 1) имущества, переданного по наследству, недостаточно, но сама наследственная масса не обнаруживает признаков банкротства, установленных в ч. 2 ст. 213.3 Закона о банкротстве (например, сумма требований кредиторов составляет менее пяти сот тысяч рублей); 2) гражданин (до момента наступления смерти), конкурсный кредитор, уполномоченный орган не реализовали право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом (ч. 1 ст. 213.3 Закона о банкротстве); 3) когда на момент принятия наследства общий размер требований кредиторов не известен наследникам. Во всех указанных ситуациях действуют нормы ГК РФ, не содержащие специальных правил о порядке и сроках предъявления требований, о лице, которое должно вести реестр соответствующих требований и отвечать за соблюдение порядка удовлетворения.

Существующие положения Основ законодательства о нотариате⁴ (ст. 63) о праве кредиторов заявить о своих требованиях нотариусу, по сути, являют собой лишь формально обозначенное стремление хоть как-то соблюсти их

¹ О судебной практике по делам о наследовании (п. 60); п. 1 ст. 416 ГК РФ.

² Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2016).

³ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

⁴ Основы законодательства о нотариате: постановление Верхов. Суда РФ от 11 февр. 1993 г. № 4463-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

права¹. Единственным последствием получения нотариусом такого требования является доведение соответствующей информации о наличии долгов наследодателя до наследников. Информированность наследников об имеющихся претензиях к наследственной массе и механизм их погашения – по понятным причинам это не одно и то же. При ином восприятии этих актов сохраняется то положение, при котором в роли «главного распорядителя» выступает наследник, а удовлетворение требований кредиторов осуществляется по мере обращения, пока не будет достигнут предел ответственности [6]. Ясно, что при таком подходе удовлетворение получает более настойчивый кредитор или тот, который ранее других заявил о своих требованиях, или же тот, чьи требования обеспечены залогом имущества должника. Не исключается и ситуация удовлетворения требований кредиторов сугубо по усмотрению наследников². Это приводит к конкуренции кредиторов, которую вряд ли можно считать справедливой.

При добросовестности наследника (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ) он не сможет должным образом преодолеть конкуренцию кредиторов наследодателя, поскольку его ответственность ограничена пределами стоимости наследственного имущества, что объективно препятствует удовлетворению требований всех кредиторов, у него отсутствует законный интерес в решении вопроса о первенстве удовлетворения.

Решение этого вопроса скорее носит не юридический, а технический характер. Лицом, уполномоченным на ведение соответствующего реестра кредиторов и соблюдения порядка удовлетворения требований, вполне может быть нотариус, поскольку, в соответствии со ст. 63 Основ законодательства РФ о нотариате, именно он уполномочен на принятие претензий кре-

диторов, либо сам наследник, либо иное лицо, например финансовый управляющий, по аналогии с Законом о банкротстве. В то же время вменять наследникам в обязанность обращение в судебные органы в целях установления всех кредиторов нецелесообразно, поскольку выяснение таких обстоятельств может быть осуществлено несудебными органами³. Однако введение данных положений должно быть произведено одновременно с закреплением в ГК РФ правил о сроках и последовательности удовлетворения требований кредиторов.

Отсутствие единого законодательного подхода к вопросу о порядке и условиях удовлетворения требований кредиторов приводит к тому, что судьба схожих требований кредиторов может быть решена по-разному, в зависимости от наличия или отсутствия признаков несостоятельности наследственной массы. В частности, это касается вопроса о персонификации прав и обязанностей, вошедших в состав наследственной массы, который оказывается важным в долговых обязательствах наследодателя. Персонификация связана с их привязкой к личности, а потому речь идет об удовлетворении требований, связанных с личностью кредитора (уплата алиментов, возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью).

Общеустановленным является правило о том, что личные права и обязанности наследодателя прекращаются с его смертью и к другим лицам не переходят. Наличие таких прав и обязанностей уменьшает объем наследственной

¹ Думается, что такое условие перешло из советского законодательства. В частности, в ст. 554 ГК РСФСР 1964 г. также было предусмотрено право кредиторов в течение шести месяцев со дня открытия наследства предъявить свои претензии принявшим наследство наследникам или исполнителю завещания, или нотариальной конторе по месту открытия наследства либо предъявить иск в суде к наследственному имуществу. Однако смысловое наполнение данного требования было несколько иным, поскольку данный срок являлся пресекательным и его пропуск влек за собой утрату кредиторами принадлежащих им прав требования.

² Естественным образом отстраненным от данной ситуации является залоговый кредитор, поскольку преимущественное право на удовлетворение его требований за счет заложенного имущества наследодателя не позволяет наследнику игнорировать его требования (п. 1 ст. 334 ГК РФ).

³ Процедуру установления кредиторов можно закрепить, позаимствовав положительный опыт Германии и Франции. В Германии, например, кредиторам наследодателя в порядке вызывного производства может быть предложено заявить свои требования (§ 1970 Германского гражданского уложения). Указанное правило, правда, не затрагивает залоговых кредиторов и кредиторов, которые пользуются равными с первыми правами в случае конкурса, а также кредиторов, которые при принудительном исполнении в отношении недвижимого имущества имеют право на удовлетворение за счет этого имущества, если речь идет об удовлетворении за счет предметов, несущих ответственность по обязательствам относительно их. То же правило действует в отношении кредиторов, требования которых обеспечены путем предварительной регистрации, или тех, которые вправе требовать выделения из конкурсной массы предмета своего права (§ 1971 Германского гражданского уложения). При этом во Французском гражданском кодексе отдельно установлен срок для предъявления требований, не обеспеченных наследственным имуществом, – пятнадцать месяцев со дня публикации заявления о принятии наследства в пределах чистого имущества (ст. 788, 792 Французского гражданского кодекса).

массы, поскольку они с наступлением смерти лица, являющегося их носителем, прекращаются (ст. 418 ГК РФ). В то время как по Закону о банкротстве, наоборот, требования кредитора по обязательствам, связанным с личностью должника, подлежат удовлетворению в рамках первой очереди реестра требований кредиторов (ч. 3 ст. 213.27 Закона о банкротстве).

Такая разбалансированность положения кредиторов наследодателя в зависимости от применяемой процедуры проистекает из разных законодательных подходов к установлению пределов ответственности по долгам наследодателя. По общему правилу, ограничение ответственности наследников происходит путем применения стоимостного критерия к наследственной массе. Наследники отвечают в пределах стоимости наследственного имущества, но удовлетворение требований кредиторов может быть осуществлено не только за счет имущества наследодателя, но и за счет имущества самих наследников. При банкротстве наследственной массы удовлетворение требований кредиторов осуществляется исключительно за счет имущества наследодателя (ч. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве)¹, т. е. в основу положены не только стоимостной, но и предметный критерии.

Имущественная увязка требований кредиторов исключительно с имуществом наследодателя (персонификация наследственной массы) в рамках банкротства приводит к юридически обоснованной возможности удовлетворить требования кредиторов-граждан, перед которыми наследодатель несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, и требований о взыскании алиментов. По смыслу законодательства о банкротстве, речь идет лишь о тех кредиторах первой очереди, перед которыми на момент смерти наследодатель имел непогашенную задолженность, т. е. возникновение задолженности во времени предшествовало наступлению смерти. Такой подход приводит к устранению привычно сложившегося неравенства между кредиторами по «личным» обязательствам, задолженность перед которыми не была погашена на момент смерти наследодателя, и иными кредиторами, но пока только в рамках производства по делу о банкротстве.

¹ Удовлетворение требований кредиторов исключительно за счет имущества наследодателя допускалось римским правом. Для этого кредиторы наследодателя были вправе обратиться к претору, управителю провинции или суду с целью выделения наследственной массы из собственного имущества наследника и использования ее исключительно для удовлетворения требований кредиторов наследодателя [4, с. 56, 58].

Выстраивание зависимости удовлетворения требований, связанных с личностью наследодателя, от состоятельности или несостоятельности наследственной массы (наследодателя) не приводит к равенству нормативного регулирования и не свидетельствует о его последовательности. Нельзя ограничить действие права только областью отношений в рамках банкротства, лишая всех иных обладателей права преимуществ, которые оно предоставляет. Если кредиторы по «личным» долгам наследодателя вправе получить удовлетворение своих требований за счет наследственной массы (в рамках дела о банкротстве именуемой конкурсной – п. 1 ст. 213.25 Закона о банкротстве), такое право должно быть предоставлено «личным» кредиторам наследодателя в общем порядке. Преодоление возникшей разности в правовом регулировании позволит уравнивать правовые возможности кредиторов наследодателя вне зависимости от наличия или отсутствия признаков несостоятельности наследственной массы.

Заключение

Поступательное развитие любого отношения, в котором участвует гражданин, невозможно без обеспечения действенного, понятного для всех механизма перехода прав и обязанностей в случае его смерти. Наличие такого есть необходимое условие обеспечения равных правовых возможностей для всех участников гражданского оборота, что соответствует идеям и ценностям гражданского права.

Выстраивание в гражданском законодательстве стройной системы норм, скоординированных с законодательством о банкротстве способно обеспечить реальное равенство всех участников гражданского оборота, непрерывности и стабильности гражданских правоотношений. Следствием станет возрастание уверенности кредиторов в получении того, на что они справедливо рассчитывают, вступая в прижизненные отношения с наследодателем.

Библиографический список

1. *Белов В. А.* Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2: Права исключительные, личные и наследственные: учебник для академического бакалавриата и магистратуры М.: Юрайт, 2015. 443 с.
2. *Белов В. А.* Наследование и наследственное правопреемство: фактическое отношение и его правовая форма // *Наследственное право.* 2014. № 1. С. 6–16.
3. *Гаврилов В. Н.* Ответственность наследников по российскому и зарубежному законо-

- дательству // *Наследственное право*. 2010. № 3. С. 23–31.
4. *Мальшев К.И.* Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. 460 с.
 5. *Наследственное право: учебник для магистров / М. С. Абраменков, П. В. Чугунов; отв. ред. В. А. Белов.* М.: Юрайт, 2015. 423 с.
 6. *Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е. Ю. Петрова.* М.: Статут, 2015. 271 с.
 7. *Останина Е. А.* Банкротство наследственной массы: пробелы гражданского законодательства и возможности их восполнения // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2014. № 12. С. 74–81.
 8. *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсное право. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. 509 с.
 9. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 462 с.
 10. *Шушмарева Т. П.* Особенности несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя в случае его смерти // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 9. С. 47–50.
- ### References
1. *Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. T. 3. Osobennaya chast'. Absolyutnye grazhdansko-pravovye formy. Kn. 2. Prava isklyuchitel'nye, lichnye i nasledstvennye* [Civil Law. Vol. 3. Special Part. Absolute Civil Law Forms. Book 2. Exclusive, Personal and Hereditary Rights]. Moscow, 2015. 443 p. (In Russ.).
 2. *Belov V. A. Nasledovanie i nasledstvennoe pravopreemstvo: fakticheskoe otnoshenie i ego pravovaya forma* [Inheritance and Hereditary Succession: De-facto Relationship and Its Legal Form]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2014. Issue 1. Pp. 6–16. (In Russ.).
 3. *Gavrilov V. N. Otvetstvennost' naslednikov po rossiyskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu* [Responsibility of Successors According to the Russian and Foreign Legislation]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2010. Issue 3. Pp. 23–31. (In Russ.).
 4. *Malyshev K. I. Istoricheskiy ocherk konkursnogo protsessa* [Historical Sketch of the Bankruptcy Process]. St. Petersburg, 1871. 460 p. (In Russ.).
 5. *Nasledstvennoe pravo: uchebnik dlya magistrantov / M. S. Abramenkov, P. V. Chugunov. Otv. red. V. A. Belov.* [Inheritance Law: Textbook for master degree students; ed. by V. A. Belov]. Moscow, 2015. 423 p. (In Russ.).
 6. *Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Germanii, Frantsii / Yu. B. Gongalo, K. A. Mikhaliev, E. Yu. Petrov i dr.; pod obshch. red. E. Yu. Petrova* [Basics of Inheritance Law in Russia, Germany, France; ed. by E. Yu. Petrov]. Moscow, 2015. 271 p. (In Russ.).
 7. *Ostanina E. A. Bankrotstvo nasledstvennoy massy: probely grazhdanskogo zakonodatel'stva i vozmozhnosti ikh vospolneniya* [Bankruptcy of Inheritance: Gaps of Civil Legislation and Possibilities for Their Completion]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – The Herald of Economic Justice*. 2014. Issue 12. Pp. 74–81 (In Russ.).
 8. *Shershenevich G. F. Konkursnoe pravo* [Bankruptcy Law]. Kazan, 1898. 509 p. (In Russ.).
 9. *Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law: in 2 vols.]. Moscow, 2005. Vol. 2. 462 p. (In Russ.).
 10. *Shishmareva T. P. Osobennosti nesostoyatel'nosti (bankrotstva) individual' nogo predprinimatel'ya v sluchae ego smerti* [Specific Features of Insolvency (Bankruptcy) of an Individual Entrepreneur in Case of Their Death]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015. Issue 9. Pp. 47–50. (In Russ.).